

Законодательное реформирование и правовой статус Тайваня в составе Японской империи в 1895–1945 гг.

© 2018

B.A. Перминова

Анализируется политика Японии в период оккупации Тайваня в 1895–1945 гг., направленная на полную интеграцию колонии с метрополией, в том числе в сфере законодательства. Подробно рассматриваются вопросы правового статуса острова, гражданских прав и свобод местного населения; прослеживаются изменения в законодательстве и его адаптация к местным реалиям в различные периоды колониального правления японской администрации.

Ключевые слова: Тайвань, Японская империя, колония, политическая интеграция, международные отношения.

Вопрос о правовом статусе Тайваня возник сразу после его приобретения Японией по условиям японо-китайского мирного договора в 1895 г. Поскольку Тайвань не являлся объектом спора в период японо-китайской войны, на момент приобретения острова у правительства не было ни четкого понимания того, как следует осваивать новые территории, ни, тем более, конкретной программы развития колонии. Летом 1895 г. премьер-министр Японии Ито Хиробуми создал Бюро по делам Тайваня, которому предстояло выработать политику в отношении острова и курировать его освоение. Статус Тайваня все еще был не ясен — предстояло определить, станет ли он особой провинцией Японии, наподобие префектур Хоккайдо или Окинавы, либо будет обособленной территорией, формально находящейся под властью императора.

Выбор модели колониального управления

Выработка решения по колониальному устройству Тайваня происходила на фоне законодательного реформирования в самой Японии. После подписания англо-японского торгового договора в 1894 г., который упразднял систему экстерриториальности и консультской юрисдикции, установленную предшествующими неравноправными договорами (Ансэйскими договорами), Япония должна была в течение последующих пяти лет модернизировать собственное законодательство и принять новые гражданский и уголовный кодексы к 1898 г. — до вступления англо-японского договора в силу в 1899 г. С формальной точки зрения, условия этого договора могли распространяться и на Тайвань, вошедший в состав Японской империи еще в 1895 г. В этом случае колония могла «автоматически» получить новое законодательство западного образца, открыть международные порты и установить те же таможенные пошлины, что действовали в Японии. Таким образом, решение вопроса о правовом статусе Тайваня касалось не только его собственного разви-

тия, но и всего законодательного пространства империи, включая вопрос о применимости Конституции Мэйдзи.

О том, как организовать эффективное управление на вновь приобретенных территориях, высказывались советники при правительстве Мэйдзи. Американский советник при Министерстве иностранных дел, юрист Генри Дэнисон предлагал применить законодательство Японии на Тайване частично — только в отношении японцев и проживающих там иностранцев¹. Такого же мнения придерживался англичанин Вильям Кирквуд, уже побывавший к тому моменту на Тайване и считавший правильным разработать особое законодательство для колонии. Французский советник Мишель Ровэн предлагал воспользоваться моделью прямого управления (по примеру Алжира)².

Основные доводы использования первого варианта сводились к следующему: разделение властей, как это уже было принято в Японии, было бы трудноосуществимо на Тайване, поэтому нет смысла вводить японские законы там, где они потом не смогут исполняться³. По этой причине следовало наделить законодательными полномочиями местные власти. Учитывая культурные и языковые различия Тайваня и Японии, предлагалось не проводить интеграцию в культурной сфере, а осуществлять управление при условии учета местных обычаяев, традиций и языка местного населения. Кроме того английский советник напоминал, что в случае политической унификации тайваньцы должны будут отчислять налоговые сборы напрямую в метрополию, что, несомненно, вызовет недовольство.

Французский вариант предполагал полную законодательную интеграцию — практически превращение колонии в одну из префектур Японии, когда законы утверждаются парламентом, а кабинет министров отвечает за их реализацию. Это означало бы предоставление жителям колонии всех тех прав и свобод, которыми обладали сами японцы, в том числе права на самоуправление и избирательного права. Этот вариант отвечал задаче отчуждения Тайваня от традиционных китайских институтов власти, а не формирования надстройки японской администрации на основе местных органов самоуправления.

Впрочем, французский советник не настаивал на одномоментной замене законодательной базы Тайваня на японские законы, а предлагал постепенную адаптацию острова к государственному устройству метрополии. К тому времени такие идеи уже были частично воплощены не только во французском Алжире, но даже и в пределах самой Японской империи. В префектуре Хоккайдо, называемой «осваиваемой территорией», и на Окинаве (о-вах Рюкю) на тот момент еще не была введена система выборов, не было представителей этих островов и в парламенте, хотя формально все эти территории были в составе Японской империи. Впоследствии на этих территориях все же была введена система выборов — на Хоккайдо с 1901 г., Окинаве — с 1909 г. Первые представители этих префектур появились в японском парламенте в 1902 и 1912 г. соответственно (то есть Окинава была на протяжении 40 лет, с 1872 г., лишена права участвовать в работе парламента)⁴.

Модель косвенного управления не была принята японским правительством, поскольку она не соответствовала основной цели освоения колонии — всеобъемлющей интеграции, а даже вносила неопределенность в статус императора, власть которого не распространялась бы на колонии. Более того, такая модель воспринималась как «эксплуататорская», которую реализовывали «белые» в отношении народов Азии и Африки, пытаясь насколько возможно дистанцироваться от местного населения⁵. Японцы решили сделать упор не на расовые и культурные различия с тайваньцами, а, наоборот, на их сходство. Правительство было уверено в том, что максимальная политическая унификация на всей территории Японской империи будет способствовать и культурной интеграции. По этой причине в итоге было принято решение о применении японского законодатель-

ства в колонии в том объеме, в котором это возможно сделать, и в дальнейшем полностью адаптировать Тайвань под законодательство метрополии.

В 1896 г. заместитель министра иностранных дел Хара Такаси подготовил рекомендации, которые стали основой для проведения политики по освоению острова. Основная идея заключалась в том, что система, реализуемая на Тайване, может незначительно отличаться от той, что была в Японии, однако не должна быть полностью колониальной⁶. Управление, базировавшееся на расовых различиях, признавалось недопустимым.

Хара Такаси, рассуждая об интересах Японии в Китае, неоднократно напоминал о том, что Тайвань представляет для империи особую значимость: «Управлять Тайванем на высшем уровне, поддерживать безопасность на юге и препятствовать отчуждению в пользу других стран южных провинций Китая, особенно провинции Фуцзянь, — все это задачи, которые напрямую влияют на безопасность самой Японии»⁷. Первостепенной задачей колонизации Тайвания он видел японизацию местного населения и максимальную интеграцию острова с Японией. Тех же взглядов придерживался Идзава Сюдзи, отвечавший за реализацию образовательной политики на Тайване. Он считал, что ассимиляция является важнейшим этапом не только для стратегического продвижения Японии на юг, но и представляет собой важность с точки зрения безопасности внутри империи: «Для поддержания порядка на новых территориях... важнее всего завоевать дух»⁸, иными словами, перестроить менталитет. Очевидно, основным инструментом реализации этой политики являлось образование.

Ассимиляцию как основной метод освоения новых территорий японцы применяли и до приобретения Тайваня. На примере освоения Рюкю (Окинавы) и Хоккайдо власти осознали необходимость японизации народов, проживающих на «внешних» территориях. В период Токугава власти обратили более пристальное внимание на жителей народности айну, проживающих на о. Хоккайдо, только в конце XVIII в. (правительство поставило остров под свой полный контроль только в XIX в. — незадолго до Реставрации Мэйдзи, решив обезопасить его от возможного продвижения России на Дальний Восток). В 1799 г. земли айну были официально включены в состав империи, что повлекло за собой введение японского законодательства и элементы японского образования. На о-вах Рюкю после их захвата в 1872 г. ассимиляция населения также проходила путем образовательной политики. По примеру Хоккайдо строилась и стратегия развития Тайвания. Основные методы — это активная переселенческая политика (заселение колонии японцами) и введение японского образования. Тайвань, так же, как и Хоккайдо, предполагалось постепенно превратить в полноценную префектуру Японии, которая управлялась бы напрямую из Токио.

Проблема Конституции Мэйдзи

Принципиальным вопросом в политическом устройстве новой колонии стала проблема действия на ее территории Конституции Мэйдзи — основного закона государства, закрепившего за императором Японии статус суверена. Конституция была принята в 1889 г. и не содержала в себе какого-либо упоминания о колониях. Вместе с тем Тайвань (так же, как Южный Сахалин и Корея), в отличие от оккупированных Японией территорий, хотя и не пользовался правом применения законодательства метрополии, относился к числу тех регионов, жители которых являлись подданными императора. На Тайване все население острова было объявлено «подданными императора» уже в 1897 г., через два года после приобретения Японией острова по Симоносекскому договору (в течение этих двух лет всем не согласным с японским режимом жителям предлагалось беспрепятственно покинуть остров).

Что касается понятия «подданства», то здесь следует отметить, что население трех упомянутых колоний было объявлено подданными императора по факту аннексии этих территорий, а не на основании действия там японских законов. Введение Конституции в колониях могло стать отдельным решением японского правительства и не было напрямую связано с объявлением местного населения подданными. Да и сам по себе статус «подданных» с юридической точки зрения не гарантировал тайваньцам и корейцам того объема прав и свобод, которыми пользовались сами японцы, поскольку Конституция обычно действовала в колониях не в полном объеме. Кроме этого, даже «подданные японцы» были сами ограничены в правах. Это напрямую следует из множества оговорок, которыми претендует текст документа — «в пределах, установленных законом», «в пределах, совместимых с общественным порядком и спокойствием» и др. Кроме того, в Ст. 18 говорится о том, что «условия, требуемые для того, чтобы быть японским подданным, определяются законом». Это означает, что права подданных могут быть в любой момент ограничены законом, и не являются правами личности как таковой. Известно, что при обсуждении второй главы Конституции («О правах и обязанностях подданных») один из членов Тайного Совета Мори Аринори⁹ требовал изменить название этой главы на «Статус подданных», аргументировав это тем, что в отношениях с императором японские подданные не обладают ничем, кроме обязанностей и определенного места. «Права», тем не менее, были включены в название главы, хотя, по сути, институт прав человека был существенно усечен.

Вопрос о применении Конституции Мэйдзи на Тайване фактически сводился к выяснению, кто имеет главенствующее право принимать законы для колонии — генерал-губернатор или парламент. На практике мало кого интересовала проблема конституционности управления в колонии — иначе говоря, речь не шла о том, будет ли делегирование законодательных полномочий местным властям легитимным, следует ли считать автономность законодательной власти Тайваня от парламента конституционной или нет. Вопрос состоял в том, в каком объеме будет подчинена местная администрация центральному правительству. Для того, чтобы ликвидировать двусмысленность статуса Тайваня — он находился под управлением императора, власть которого регламентируется Конституцией, которая, в свою очередь, не имела силы в пределах колонии — регионы Японской империи условно разделили на две категории: «внутренние территории» (Японские острова, Курильские острова, острова Рюкю) и «внешние территории» (колонии)¹⁰, где японское законодательство могло не действовать. Подчеркивалось, правда, что этот шаг является временной мерой на пути к достижению полной интеграции всего пространства Японской империи.

В период принятия этого решения была также популярна идея о частичном применении Конституции Мэйдзи. Те статьи закона, которые относились к определению власти императора, его полномочий, а также обязанностей подданных императора, могли быть применены сразу. Однако те положения, которые касались выборной системы и права голоса, могли быть введены поэтапно, по мере развития Тайваня и совершенствования его законодательной базы¹¹.

Местные власти отстаивали свое право на законодательную инициативу и аргументировали свою позицию тем, что, во-первых, с формальной точки зрения, поскольку Конституция не распространяется на «внешние территории», то для действия там Конституции необходим особый указ императора, который бы наделял парламент законодательной инициативой в отношении Тайваня. С практической точки зрения, которая, очевидно, в большей мере принималась во внимание, косвенное управление было необходимо для того, чтобы своевременно реагировать на кризисные ситуации и учитывать культурные и языковые особенности тайваньцев.

Применение на Тайване Конституции Мэйдзи, равно как остальных японских за-конов, явно свидетельствовало бы не только об амбициозных намерениях, но и конкрет-

ных шагах японцев, которые они предпринимают для построения новой модели колониального управления. Поэтому первоначально было принято решение о максимальной унификации законодательной базы Японии и Тайваня (в тот же период, напомним, планировали применение современного образования, обучение японцев местным диалектам — словом, все те цели, от которых пришлось в дальнейшем отказаться). Что же касается реального применения законов Японии на Тайване, то по причине отчаянного сопротивления местного населения установлению японской власти речь уже не шла об использовании законодательства метрополии, поскольку все силы новых хозяев острова были брошены на то, чтобы подчинить Тайвань своей власти и обеспечить мир.

Единственным вариантом в такой ситуации стало принятие в 1896 г. постановления правительства о том, что Конституция будет действовать на Тайване в ограниченном объеме, а генерал-губернатор получил право издавать законы. Это постановление вызвало резкую критику в парламенте. Таката Санаэ, представитель Партии конституционных реформ, явившийся противником этого закона, называл его антиконституционным и настаивал на том, что некоторые полномочия не могут быть делегированы властям колонии никогда (в частности, принятие законов, касающихся налогов и таможенных сборов). Кроме этого, он указывал на отсутствие точного определения полномочий и обязанностей генерал-губернатора. Получалось, что он не подчинялся напрямую ни кабинету министров, ни парламенту¹².

Впрочем все эти доводы не повлияли на окончательное решение установления особого законодательного режима на Тайване, где не прекращалось сопротивление местного населения новоприбывшим властям. Фактически военное управление, реализованное на острове в 1895–1897 гг., не оставляло иного выхода, кроме как отложить политическую интеграцию колонии на неопределенное время. Воплощением этих вынужденных мер стал закон о временном делегировании полномочий генерал-губернатору от 1898 г. (также известный как закон № 63), сроком на 3 года. В этом же году на Тайване было частично введено японское гражданское, торговое и уголовное право. Не состоялось и открытие на Тайване международных портов, предполагавшееся по условиям англо-японского договора, поскольку остров, хотя и не был назван «колонией», тем не менее, оставался обособленным регионом с собственным законодательством.

Формирование колониального законодательства на Тайване

С назначением в 1898 г. Кодама Гэнтаро генерал-губернатором Тайваня и его ближайшего помощника, Гото Симпэя, гражданским губернатором начинается новый этап освоения острова, от которого можно вести отсчет «эффективного» управления колонией. Де-факто реализуемая, но не декларируемая, модель косвенного управления предоставляла большие возможности для новой администрации острова, которыми она смогла воспользоваться в полной мере. Именно с этого периода началось строительство «образцовой колонии»¹³.

Гото Симпэй стремился сделать из Тайваня выгодное приобретение для Японии, которое должно было стать пробной площадкой для дальнейшей экспансии на юг. Конкретная программа развития острова была разработана на основе принципа «научного колониализма» (максимальная прибыльность и эффективность)¹⁴ исходя из особенностей данного региона, на скрупулезное изучение которого было потрачено немало сил и средств¹⁵. Более всего Гото тяготел к применению британского опыта колониального управления (его любимым примером служил генеральный консул в Египте лорд Кромер)¹⁶ и поэтому не видел необходимости в полной законодательной унификации Тайваня с Японией¹⁷. Считая Тайвань полноценной колонией, он сфокусировал свое внимание на конкретных мерах по освоению острова, руководствуясь принципом прагматизма.

В числе основных законодательных нововведений в период 1898–1906 гг. — распространение действия японского процессуального кодекса, уголовного и гражданского права на территории Тайваня. Все эти кодексы действовали преимущественно в отношении японцев и иностранцев, некоторые положения были прописаны специально для местного населения, в частности: под действие гражданского права японского образца тайванцы не попадали вовсе, а законодательные нормы, касающиеся землепользования, наоборот, касались только тайванцев; часть законов (например, о наследовании) была перенесена из практики цинского периода; нормы уголовного права затрагивали японцев только по части «Закона о безопасности на Тайване» (1900 г.) — о высылке с острова японцев либо иностранцев, представляющих опасность для установленного режима; остальные нормы касались в основном местного населения — штрафы и наказания, связанные с невыполнением обязанностей в системе «баоцзя»¹⁸ (1898 г.), о наказании мятежников, контроле бродяжничества и проч.¹⁹

Как видно из этих примеров, законодательство на Тайване представляло собой синтез традиционного китайского законодательства (цинского периода), современного (японского по западному образцу) и новых законодательных норм, разработанных японцами специально для Тайваня. По сути, это и стало особым колониальным законодательством, о котором говорил В. Кирквуд и которое не желал специально создавать парламент Японии. Основой этого особого режима стал уже упомянутый закон № 63 (о временному делегированию полномочий генерал-губернатору). Этот закон неоднократно продлевался, после чего в 1906 г. был заменен на аналогичный закон № 31, также срочный (5 лет), который просуществовал еще 15 лет вплоть до 1921 г.

Несмотря на то, что закон № 63 продлевался без каких-либо изменений, в самом начале 1900-х годов была сделана попытка его замены на более постоянное законодательное решение, которое бы точно определяло статус Тайваня и позволяло строить долгосрочные перспективы его развития. Речь идет о проекте «Закона об управлении Тайванем», который должен был стать поправкой к Конституции Мэйдзи и обозначить в основном законе государства понятие колонии, ее права и обязанности. В 1904 г. этот проект был подготовлен Окамацу Сантаро под руководством Гото Симпэя для внесения предложения в парламент Японии в 1905 г. — как раз в последний год действия закона № 63.

Основные положения проекта закона сводились к следующему: во-первых, Конституция Мэйдзи признавалась не полностью применимой для Тайваня; во-вторых, провозглашалась финансовая независимость острова от Японии (то есть местные власти самостоятельно составляют бюджет, в котором метрополия не принимает участия). Третье: генерал-губернаторство преобразовывается в местный кабинет министров, который может через парламент Японии получить разрешение на действие определенных японских законов на территории колонии. Таким образом, японские законы могут распространяться на Тайване только в результате императорского указа. В-четвертых, создание консультативного совета, который выполнял бы функции законодательного органа. Иными словами, был подготовлен проект закона, который мог сделать Тайвань практически полностью независимым от метрополии и сильно замедлить, если не упразднить, политику ассимиляции.

Идея о том, что Тайвань должен стать полноценной колонией и иметь собственную систему разделения властей, была близка не только тогдашней администрации острова (Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй), но и премьер-министру Кацура Таро, который ранее (1896 г.) уже успел побывать генерал-губернатором Тайваня²⁰. Во время обсуждения вопроса о продлении закона № 63 в парламенте в 1905 г. он признавался, что «без сомнения, на данный момент Тайвань уже является колонией» и выражал уверенность в том, что «мы не сможем трансформировать его для полной интеграции с Японией»²¹. Из-за приверженности основной части парламентариев идеям расширения национальных гра-

ниц и ассимиляции новых территорий предлагаемый администрацией Тайваня проект принят не был, а закон № 63 был продлен на год, до 1906 г., когда сменился и кабинет министров. На смену Кацура Таро пришел Сайондзи Киммоти, а на должность министра внутренних дел был поставлен придерживавшийся либеральных взглядов Хара Такаси.

Несмотря на то, что парламент Японии не одобрил принятие отдельного закона для управления Тайванем, предпосылок для законодательной унификации острова с метрополией он также не создал. Вообще законы, аналогичные тайваньскому закону № 63 (и его преемнику — закону № 31), были приняты на Сахалине в 1907 г. (закон № 25) и в Корее (закон № 30, без изменений принятый по тайваньскому образцу — закону № 31), однако в обоих случаях бессрочно. Причем если в случае с Тайванем вопрос о принятии такого закона вызывал бурную дискуссию, то к 1910 г. среди японской элиты практически не осталось тех, кто сомневался бы в необходимости такой меры применительно к Корее.

Модернизация тайваньского законодательства

Новый этап развития законодательной системы Тайваня начался в период либерального движения в Японии — «демократии Тайсё». С назначением в 1918 г. премьер-министром Хара Такаси усилия правительства были сконцентрированы на реформировании всей колониальной власти как на Тайване, так и в Корее, и на Сахалине. Результатом его политики стала некоторая либерализация колониального режима и развитие образования в колониях. С 1919 г. на должность губернатора Тайваня стали назначать гражданских лиц. В 1920 г. на этот пост был назначен Дэн Кэндзиро, правление которого было названо «просвещенным» и эпохой возобновления активной ассимиляции местного населения.

Переосмысление центральным правительством Японии основных методов колониального управления произошло не только с очередной сменой кабинета, но и на фоне произошедших событий за пределами Японских островов, в первую очередь, мощного антияпонского восстания в Корее весной 1919 г., которое выявило массу недостатков военных методов управления. Еще одним немаловажным фактором являлось распространение после окончания Первой мировой войны идеи национального самоопределения, проявления которой в колониях опасались японские власти. Именно в этих условиях было принято решение о стремлении к максимальной интеграции Тайваня и Японии посредством законодательной унификации и продолжения политики ассимиляции. И хотя власти декларировали уравнение в правах японцев и тайваньцев и смягчение колониального режима, такая либерализация не предполагала предоставления местному населению каких-либо прав для самоуправления. Японцы, наоборот, стремились максимально привязать колонию к действующей системе управления в самой метрополии, навсегда оторвав Тайвань от материковой культуры, при этом не позволив сформироваться жителям острова в отдельное сообщество²².

Воплощением идеи интеграции всего пространства внутри империи стало принятие на Тайване в 1921 г. закона № 3, который заменил предшествующий закон № 31 и ограничил полномочия генерал-губернатора. С этого момента японское законодательство в той мере, в которой это было возможно, распространялось на территории Тайваня, а новые законы могли приниматься только в случае, если таковых нет в законодательстве метрополии, либо в особых случаях²³. Проекты новых законодательных норм колонии должны были утверждаться центральным правительством (а не парламентом и указом императора, как это было раньше) по представлению генерал-губернатора. Если закон № 31, действовавший ранее, лишь исключал в местном законодательстве те нормы, которые противоречили законам метрополии, то закон № 3 распространял само японское законодательство на территории колонии (за исключением «не подходящих» норм). Любые

законы, принимаемые местной администрацией, как уже указывалось выше, должны были проходить особую процедуру внесения поправок и утверждения в правительстве, таким образом приобретая форму особых указов. Однако губернаторы нередко прибегали к тому, что, под предлогом «особого случая», самостоятельно принимали какое-либо постановление, а уже позднее, фактически приносили этот документ на утверждение в правительство²⁴. Закон № 3 должен был действовать бессрочно, что свидетельствует об окончательном выборе властями модели законодательного регулирования на Тайване.

Такое решение, конечно, не могло изменить принципиальным образом политическую систему в колонии, однако его можно расценивать как реальную попытку приблизить законодательную базу Тайваня к японским нормам. Несмотря на то что у губернаторов оставалась возможность издавать законы, их зависимость от центрального правительства все же возросла. Для наглядности обратимся к колониальной Корее, где закон № 30 (он же тайваньский № 31) продолжал свое действие до 1945 г. Поскольку новые нормы (в том числе и из японского законодательства), прежде чем начинали действовать в Корее, должны были проходить утверждение в парламенте и в последствии получать визу императора, то процесс распространения японских законов на ее территории был сильно затруднен. В итоге получалось, что в Корее из общего объема новых законов 70% было принято на местном уровне, тогда как на Тайване — только 30%²⁵. Если же сравнивать Тайвань в период до и после 1922 г. (закон № 3 вступил в действие с 1922 г.), то окажется, что в 1898–1922 гг. генерал-губернаторами было принято 203 закона, тогда как из японского законодательства было заимствовано только 84 нормы. Начиная с 1922 г. и до окончания оккупации было принято 67 местных законов, и почти 200 (точнее, 195) были перенесены из законов метрополии²⁶. Очевидно, что на первом этапе освоения колонии властям пришлось разрабатывать основную часть местного законодательства и принимать значительный объем законодательных норм, однако, как видно из статистики, даже после почти 30 лет правления было принято не малое количество новых законов, которые, в свою очередь, уже были заимствованы в большей мере из японского законодательства.

Движение за создание парламента на Тайване

Принятие закона № 63 свидетельствовало о том, что политическая интеграция Тайваня в состав Японии откладывается на неопределенное время, таким образом, тайваньцам в ближайшем будущем не приходилось рассчитывать на предоставление им каких-либо прав по образцу японского законодательства. В тот период местное население не могло активно участвовать в политической жизни острова, однако были сделаны некоторые попытки создать движение в пользу ограничения полномочий генерал-губернатора. После посещения Тайваня японским государственным деятелем, бывшим главой Либеральной партии Итагаки Тайсукэ в феврале 1914 г., одним из видных представителей тайваньской элиты Линь Сянътаном²⁷ было создано Общество ассимиляции Тайваня (*Тунхухуэй*), ключевыми задачами которого стали содействие интеграции японцев и тайванцев и предоставление равных условий для развития. В этом же году активный сторонник и один из лидеров Общества по ассимиляции Хуан Чунцин создал Организацию общественного просвещения (*Тунфэнхуэй*), целью которой было усовершенствование системы образования, отказ от дурных обычаяев и суеверий, распространение японского языка²⁸. Поскольку Общество ассимиляции в прямую заявляло о необходимости уравнения в правах тайваньцев и японцев и отстаивало отмену закона № 63, эта идея не нашла поддержки у властей, и организация была распущена через 2 месяца после ее создания, в начале 1915 г.²⁹ Организация общественного просвещения, напротив, поддерживалась местными властями до конца оккупации³⁰.

Либерализацию колониального режима в 1920-е годы тайваньское общество восприняло как возможность модернизации всей системы управления. Обновление программы по ассимиляции, развитие системы образования и открытие новых издательств представлялось местной эlite как стремление властей учесть ошибки прошлых десятилетий и намерение перейти к более демократическому правлению по западному образцу. Иными словами, политика ассимиляции как инструмент уравнения в правах жителей колонии и метрополии не вызвала отторжения у тайваньцев, а, наоборот, встретила поддержку и была воспринята даже с воодушевлением. Интеграция с метрополией виделась им серьезным препятствием произволу местных губернаторов, полномочия которых могло ограничить только центральное правительство.

Под влиянием событий 4 мая 1919 г. тайваньскими студентами, обучавшимися в Японии, при поддержке Линь Сянътана, в январе 1920 г. в Токио было создано Общество народного обновления (*Синьминъхуэй*), целью которого являлось распространение просвещенного образования и новой культуры, а в числе задач была отмена на Тайване закона № 63. В следующем году Линь Сянътаном и его сподвижниками Цзян Вэйшуем и Линь Яочунем в Тайбэе была создана Культурная ассоциация Тайваня с целью побудить национальное самосознание тайваньцев и ликвидировать дискриминацию в отношении местных жителей (в том числе предоставление тайваньцам права голоса и права на получение японского образования).

30 января 1921 г. 166 тайваньских студентов, обучающихся за рубежом, и 11 человек из местной интеллигенции направили в Японию первую петицию о создании парламента на Тайване. Японские парламентарии под предлогом того, что такое нововведение противоречит Конституции, не приняли этот проект. За несколько дней до этого Линь Сянътан, представивший петицию на суд японских политиков, встречался с Хара Такаси, который категорически отверг коллективное предложение жителей колонии об учреждении местного законодательного органа³¹. Не одобрили это предложение и местные власти колонии. После подачи петиции Линь Сянътан и его помощники (Линь Яочунь, Гань Дэчжун, Ли Чунли, Ван Сюэцинь) в сентябре того же года были вызваны для встречи с губернатором Дэн Кэндзиро, который потребовал прекратить деятельность, направленную на «нарушение спокойствия». Хотя никаких арестов не последовало, Тайваньский банк после этого случая взыскал с Линь Сянътана более 200 тыс. иен. Позднее, зимой 1923 г., когда были подготовлены новые петиции, полиция арестовала некоторых участников движения, а в доме Линь Сянътана был проведен обыск. Большого развития дело против сторонников создания парламента, впрочем, не получило³².

Движение за создание парламента на Тайване просуществовало 14 лет, вплоть до 1934 г., когда под давлением властей Линь Сянътан был вынужден прекратить свою деятельность. За весь этот период было отправлено 15 петиций, общее количество подписавших ее — 12 818 человек. Первую петицию подписали в основном студенты (около 80%), однако впоследствии все больше людей со средним или только начальным образованием ставили свои подписи в документе. Среди подписавших были также и государственные чиновники (за все время подачи петиций таковых было 920 человек), в основном городская или сельская администрация. В частности, свою подпись поставил Ян Чжаоцзя, глава поселка Циншуй префектуры Тайчжун. После подачи петиции он сохранил за собой эту должность, не претерпев каких-либо санкций со стороны японских властей³³.

Стремление тайваньцев получить право на создание законодательного органа было представлено местными властями как попытка к получению Тайванем независимости, хотя, по мнению некоторых китайских ученых, это было не совсем так. Чэн Сяочун, сотрудник Сямэньского университета, считает, что таким образом местные жители лишь пытались получить дополнительные права в рамках существующей японской системы управления, не стремясь изменить ее кардинальным образом. Создание парламента не было попыткой установить независимое самоуправление без участия

японских властей. Парламент, который подчинялся бы только Токио, должен был стать подобием местных законодательных органов, существовавших в самой Японии. Предполагалось, что решение проблем, связанных со спецификой Тайваня, должно было происходить силами местного законодательного органа, а не единолично губернатора. Иными словами, предлагалось передать исключительные полномочия губернаторов (по законам № 63, 31, 3) парламенту Тайваня.

Чэнь Сяочун приводит следующие аргументы в пользу того, что создание тайваньского парламента не было проявлением борьбы за независимость, а находилось, говоря современным языком, в рамках «системной оппозиции». Во-первых, в тексте петиций не было никакого намека на полное самоуправление, а говорилось лишь об «ограниченном самоуправлении». Во-вторых, все петиции были подготовлены представителями тайваньской элиты, которые имели постоянные контакты с администрацией, и никак не могут быть отнесены к числу провокаторов либо «возмутителей спокойствия». Линь Сянътан и его сподвижники меньше всего напоминали организаторов вооруженных антияпонских восстаний, с которыми уже приходилось сталкиваться властям. В-третьих, сторонники движения за создание парламента декларировали свои идеи четко, прибегая к законным способам — посредством размещения статей и обращений в разрешенной к печати газете «Тайвань миньбао», где идея создания нового законодательного органа противопоставлялась попыткам местной администрации представить это в виде борьбы за независимость. И последнее: исходя из обращений лидеров движения, единственной целью создания парламента было ликвидировать авторитарное управление губернаторов и уполномочить местный законодательный орган теми правами, которыми губернатор был, по их мнению, «сверху» наделен³⁴.

Очевидно, все эти доводы тогда не могли быть восприняты в парламенте либо правительстве Японии. После активной борьбы с антияпонским сопротивлением в самом начале оккупации, подавления череды восстаний 1911–1914 гг., а также под впечатлением случившегося в Корее восстания 1919 г., Тайвань все еще воспринимался как потенциальный очаг нестабильности, и любые попытки расширения прав местного населения воспринимались как начало движения за независимость.

Впрочем нельзя сказать, что попытки создания местного законодательного органа были вовсе безуспешны. В 1921 г. был создан заснововещательный совет³⁵, в состав которого входили 25 человек — японцы и тайваньцы, приблизительно в равной пропорции. Участвующие в заседаниях этого совета тайваньцы назначались губернатором, который являлся председателем совета, и состояли в основном из представителей бизнеса. Решения совета носили консультативный характер и не имели обязательную силу при проведении внутренней политики острова. Очевидно, такая структура не обладала какой-либо самостоятельностью, поэтому вряд ли могла устроить сторонников создания полноценного парламента.

После 1934 г. попытки обращения в парламент Японии прекратились, а местные власти сконцентрировали усилия на еще более активной ассимиляции населения — с 1936 г. они стали реализовывать политику по превращению тайваньцев в подданных императора. Лидеров оппозиции японскому режиму местная администрация стала склонять к сотрудничеству, предлагая им возглавить народные объединения, направленные на усиление японизации. Так, Линь Сянътан по настоянию властей возглавил Ассоциацию служения обществу поданных императора, а многие его коллеги в 1940-е годы стали принимать участие в местном управлении. Сам Линь Сянътан не сразу согласился сотрудничать с властями — некоторыми годами ранее из-за активного давления на него администрации он уехал в Японию, пробыв там с 1937 по 1940 г.³⁶ Только активные уговоры с участием его семьи заставили Линь Сянътана вернуться на Тайвань. Надо сказать, что активисты движения за создание местного парламента и уравнение в правах всех жителей острова, уезжавшие в Японию, встречали там под-

держку, тогда как в колонии их идеи всегда воспринимались в штыки со стороны властей. После возвращения на Тайвань Линь Сяньтан, уже занимая пост главы прояпонской Ассоциации служения обществу подданных императора, продолжал декларировать свою приверженность китайским традициям: носил традиционную китайскую одежду, в повседневном общении использовал китайский язык и настоял на том, чтобы его семье разрешили не менять свои имена на японские³⁷.

Вторая половина 1930-х годов и 1940-е годы отличались от предшествовавшего периода смягчения колониального режима: теперь более явно прослеживалась тенденция к ужесточению режима для мобилизации всех ресурсов — как промышленных, так и людских, что требовало скорейшей интеграции Тайваня в состав империи, которая теперь стала реализовываться посредством почти силовой ассимиляции. Целью этой политики теперь не было стремление постепенно приблизить Тайвань в культурном, экономическом и политическом плане к метрополии, основной задачей являлось поддержание «военной машины» империи. Неслучайно последний период японского правления (1936–1945 гг.) характеризуется заметным спадом в принятии японских законов и отмечен возобновлением законодательной активности генерал-губернаторов (объем принимаемых местных законов в это время практически такой же, как был в начальный период оккупации)³⁸.

* * *

На протяжении всего времени оккупации японцы так и не реализовали полную политическую интеграцию Тайваня с метрополией — почти весь период правления остров оставался обособленной территорией, на которой действовало свое, колониальное, законодательство. Проблема принятия Конституции Мэйдзи на Тайване, являясь принципиальным вопросом на начальном этапе освоения колонии, по сути потеряла свою актуальность к 1910-м годам, когда подобная дилемма в отношении Кореи уже не вызывала серьезных споров и вопрос был решен в пользу косвенного управления. Японские власти старались учесть специфику региона, которым управляли, однако основным барьером, отделяющим метрополию и колонию в политическом плане, как ни странно, стала как раз политика «соответствия местным условиям», в рамках которой генерал-губернатор получил право законодательной инициативы. Получалось, что экономические связи, языковая и культурная политика сильно привязывали Тайвань к Японии, в то время как в административном управлении на тайваньцев возлагались только обязанности и не предосставлялись права, напрямую вытекающие из статуса «интегрированной колонии».

Непродолжительного периода либерализации режима в 1920-е и начале 1930-х годов не хватило для полноценной модернизации законодательной базы острова, и начавшийся было процесс уравнения в правах всех жителей вскоре сменился новым ужесточением режима, который теперь был связан не столько со сложностью поддержания порядка на острове, сколько с потребностью метрополии в промышленных и людских ресурсах в период военных акций Японии, начавшихся в 1937 г. Всегда воспринимая Тайвань как потенциальный очаг нестабильности и всех тайваньцев — как потенциальных мятежников, администрация колонии должна была принимать превентивные меры и быть наготове в случае каких-либо антиправительственных выступлений. Не случайно закон о наказании мятежников, действующий с самого начала правления, под действие которого мог теоретически попасть любой житель острова, не был отменен даже в 1920-е годы и потерял свою актуальность только после перехода Тайваня к Китайской Республике в 1945 г.

1. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition colonial lessons for contemporary state-building: dissertation, PhD (Political Science). Massachusetts Institute of Technology, 2011. P. 59–60.
2. Тайвань фа луй ши дэ цзянь ли: [История права на Тайване] / ред. Ван Тайшэн. Тайбэй: Сань минь цзун цзин сяо, 1997. С. 190.
3. Wang Tay-Sheng, Chou I-Hsun Sandy. The Emergence of Modern Constitutional Culture in Taiwan // National Taiwan University Law Review. 2010. Vol. 5. No. 1, March. P. 6.
4. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 56–57.
5. The Japanese colonial empire, 1895–1945 / ed. by R.H. Myers, M.R. Peattie. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 250–251.
6. Hara Takashi. Taiwan mondai nian: [Two proposals for the Taiwan problem] // Taiwan shiryō / ed. Kaneko Kentarō. Tokyo: Hara Shobō, 1970 [1895]. P. 32. Цит. по: Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 58.
7. Masuda Tsuyoshi. Takashi Hara and China. Part 1 // Kobe University law review. 1971. No. 14. P. 8.
8. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 62.
9. Примечательно, что Мори Аринори (1847–1889) принадлежал к числу либерально настроенных государственных деятелей. Он являлся одним из авторов новой системы образования Японии, выступал с просветительскими лекциями, объясняя необходимость модернизации традиционного образования. Мори Аринори был убит изоляционистом в день провозглашения Конституции Мэйдзи.
10. History of Law in Japan since 1868. / Ed. by Wilhelm Röhl. In Handbook of oriental studies. Section V: Japan / ed. by Blum M., Kersten R., Low M.F. Vol. 12. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 12–13.
11. Основные сторонники этой идеи — Ходзуми Яцука, Умэ Кэндиро.
12. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 79.
13. Этот термин можно найти у Такэкоси Ёсабуро. См.: *Takekoshi Yosaburo*. Japan's colonial policy in "Japan to America" / ed. by Naoichi Masaoka. N.Y.: G.P. Putman's Sons. 1914. P. 96.
14. Молодяков В.Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Ч. I: Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. Ежегодник. 2004–2005. М., 2005. С. 272–287.
15. Отстаивая идею особого пути развития Тайваня, Гото Симпэй инициировал подробное исследование местных традиций, обычаяев (в т.ч. применявшегося на Тайване цинского законодательства) и языка, результаты которого впоследствии легли в основу программы по управлению колонией.
16. Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 272–287.
17. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 67.
18. «Баоцзя» (яп. — «хоко») — система коллективной ответственности, основанная на подворном принципе. В состав одной общины входили 100 домов, разделенные на 10 групп. Система «баоцзя» служила вспомогательным институтом при полиции и являлась дополнительным рычагом контроля за населением. Не распространялась на японцев и аборигенов.
19. Подробнее см.: Тайвань жи чжи ши ци дэ фа луй гай гэ: [Законодательное реформирование на Тайване в период японского управления] / ред. Ван Тайшэн. Тайбэй: Лянь цзин, 1999. С. 99–101.
20. Кацура Таро пробыл в должности генерал-губернатора всего несколько недель, поскольку готовился занять пост военного министра в Токио. Он неоднократно указывал на стратегическое и экономическое значение Тайваня для Японии, за время пребывания на посту успел составить ориентировочную программу освоения колонии. См.: Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 272–287.
21. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 94.
22. Ibid. P. 61–62.
23. Эти «особые случаи», очевидно, были специально оговорены в новом законе для того, чтобы оставить губернатору право законодательной инициативы.
24. Законодательное реформирование на Тайване... С. 84.
25. Matsuzaki Reo. Institutions by imposition... P. 87–88.
26. Законодательное реформирование на Тайване... С. 85.
27. Линь Сяньтан (1881–1956), представитель тайваньской элиты, создатель народных организаций Тунхуахуэй, Синминхуэй и Культурной ассоциации, Тайваньского союза местного самоуправления, основатель периодических изданий «Синьминьбао» и «Тайвань циннинь». Его также называли «отцом тайваньского парламента». Линь Сяньтан отстаивал приверженность китайским традициям, являясь одним из столпов оппозиции японскому режиму. После перехода

- да Тайваня к Китаю с 1946 г. принимал участие в 1-й сессии парламента Тайваня, в этом же году встречался с Чан Кайши. Интересно, что Линь Сянътан, бывший ярым противником японского проникновения на Тайвань и сторонником воссоединения острова с материковым Китаем, последние годы жизни провел в Японии, т.к. после восстания 28 февраля 1949 г. попал в список «изменников» и был приговорен к тюремному заключению.
28. *Tamaki Miuzuko*. Архив префектуры Тайбэй: изучение административного управления и общественного устройства Тайваня в эпоху японского правления на основе местных документов / пер. В.А. Перминовой // Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования / ред. колл. Э.В. Молодякова и др. М., 2016. С. 155–156.
29. *Сю Вэйцинь*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ дуй тайвань шэ хуэй дэ цян шан — и у фэн линь ши цзя цзу вэй ли: [Удар японской политики ассимиляции по тайваньскому обществу — на примере семьи Линь из района Уфэн] // Тайвань янь цзю цзи кань. 2004. № 4. С. 71–72.
30. Организация «Тунфэнхуэй», поначалу бывшая народным объединением, позднее, под давлением властей, превратилась в систему общественного контроля, утеряв свое первоначальное значение. Подробнее см.: *Tamaki Miuzuko*. Архив префектуры Тайбэй… С. 156.
31. *Matsuizaki Reo*. Institutions by imposition… Р. 62.
32. *Сю Вэйцинь*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ… С. 73.
33. *Чэнь Сяочун*. Жи цзю ши ци тайвань минь цзу юнь дун жо гань вэнь ти дэ фэнь си: [Анализ некоторых проблем национального движения на Тайване в период японского управления] // Тайвань янь цзю цзи кань. 1993. № 2. С. 73.
34. Там же. С. 71–72.
35. Первый консультативный совет был создан в 1906 г., однако достаточно скоро прекратил свое действие.
36. Отъезд Линь Сянътана был не в последнюю очередь связан с его публичным наказанием в парке Тайчжун после его встречи в 1936 г. в Шанхае с китайцами-эмигрантами и произнесения пламенной речи о том, что он наконец-то побывал на Родине. Этот инцидент известен как «Случай возвращения на Родину».
37. *Сю Вэйцинь*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ… С. 74.
38. Законодательное реформирование на Тайване… С. 109.